

ЧАСТЬ 1 БЫВШИЙ

Сержант полиции Малышев выбрался из машины под дождь, отошел на три шага и задрал голову, пытаясь вычислить, где именно на четвертом этаже светятся окна квартиры, откуда поступил вызов.

Кому-то в этот мартовский вечер сильно не повезет, решил он, и его полноватые губы растянулись в мстительной усмешке. Сержант Малышев еще не знал кому. Но раз уж к нему приехала теща из Ахтырки и живет вторую неделю как бы в гостях, то почему только ему, Малышеву, которого уважают коллеги, чье фото висит на Доске почета в горотделе, должно быть плохо? По большому счету дело даже не в теще, а в ее мордатой псине: мать жены притащила домашнюю любимицу с собой, и теперь эта сучка — собачонка, не теща! — по какому-то неведомому праву рычит на него, сержанта Малышева, в его собственной квартире. А сержант очень не любил, когда на него рычали. Однако отдубасить четырехногую сучку резиновой дубинкой тоже не мог: не хотелось лишний раз связываться с двуногой.

Собственно, с обеими: тещино гостевание плохо влияло на жену — у нее, по выражению Малышева, в присутствии родной матушки стал прорезаться голос, и вести себя она начала так, как эти прибацанные тетки в телевизоре.

Как ни придешь с работы, так по ящику какие-то бабские выступления: «Мы, женщины, слишком часто позволяем мужчинам унижать себя!» — ну и прочая контрреволюция. Временами сержанту Малышеву казалось, что жена наслушается телевизионных теток, у которых все зудит без мужика, и начинает верить: раз об этом говорят вслух, значит, все это имеет право на существование. Просто когда рядом нет мамыши из Ахтырки, жена помалкивает, потому что знает, как реагирует образцовый конотопский полицейский, то есть теперь уже полицейский, если дома на него начинают наезжать. И держит в себе все, что слышит от телевизионных курв. Но когда приезжает мама, жена смелеет, потому что их становится двое.

А к тому же сучка тещина ох и лютая! Сержант Малышев, который не раздумывая, практически с голыми руками уверенно шел на злостных правонарушителей, панически боялся собак. Признаться в этом теще — перестать себя уважать, и вдобавок тогда она будет иметь лишний козырь против него. Еще натравит сдурю свою псину на зятя...

Одним словом, сержант Малышев, чей характер и без того не отличался мягкостью, в последние дни только и делал, что искал, на ком бы сорвать злобу, накопленную в собственном доме. И сейчас, получив вызов и приехав разобраться с зачинщиками бытовой драки, он уже предвкушал, как займется воспитательной работой со всеми, кто только попытается воспротивиться его приказам. Полный этих приятных предчувствий, сержант Малышев взвесил в правой руке резиновую дубинку — свою верную спутницу и, без преувеличения, лучшую подругу. Только дубинка не подведет, не предаст, не оплошает.

Тем временем из полицейской машины уже вылезал под дождь сержант Прудник. У него тоже имелись причины искать возможность стравить пар. Тещи с шавкой у Прудника не было. Следуя заповеди «жениться надо на сироте», Прудник и в самом деле нашел-таки сироту — а кто еще в наши

дни согласится жить с ментом в ментовском общежитии? Но несколько лет назад их общагу начали тасовать какие-то неведомые структуры, и в результате часть ее была заселена всяким пестрым людом, явно не за просто так. От всего этого пострадали, собственно, конотопские менты, ведь в полицию, как раньше в полицию, обычно шли парни из окрестных сел. И преимущественно ради того, чтобы получить комнату в общежитии с отдаленной перспективой когда-нибудь разжиться отдельным жилищем. Ну а теперь, с переходом на коммерческие рельсы, места для проживания работников полиции начали стремительно сокращаться. И очереди претендентов выстраивались уже на получение койки в общаге. Эта ситуация, с горечью и болью описанная в одной из сумских газет, если и могла со временем измениться, то только в худшую сторону.

Сержантский состав и несколько младших офицеров из числа проживающих в общежитии попытались добиться справедливости. Была создана инициативная группа, удалось даже подпрячь депутата горсовета с оппозиционными взглядами и юридическим образованием. Но вся эта борьба за свои права закончилась, не успев начаться. Начальство дало понять: правозащитная активность приведет только к одному результату — новым сотрудникам будут предоставлены места в общежитии за счет выселения тех, кто там уже обитает. Только таким образом. Прудник принимал в этом движении только пассивное участие: помалкивал и изображал массовку, но одного из ретивых активистов, который что-то там наболтал сумским журналюгам и даже позировал в форме для фото в газете, из общаги все же выперли.

На каком основании? Да просто поймали на том, что взял у торговки семечками на базаре двадцать гривен. Приписали коррупцию и выставили — вместе с женой и дочерью-школьницей. Чтобы не видеть, как узлы с их немудреными пожитками выносят и сваливают в кучу на заплеванном

асфальте у подъезда, сержант Прудник прямо с утра пошел и надрался.

Теперь все притихли, зато пацан, поселившийся у Прудника за стеной, регулярно среди ночи врубает музыку и начинает подпевать — нет, скорее, подкрикивать. Уяснив, что выставить из общаги в ближайшее время его никто не сможет, пацан сильно забурел и стал прямым текстом посылать сержанта, когда тот, опять же среди ночи и при полной форме, стучался к нему, требуя прекратить безобразия. «Эту музыку нельзя слушать тихо, господин селянин!» — послышалось в ответ из-за двери во время последнего инцидента, и было это не далее как прошлой ночью.

Поэтому, как и его напарник, сержант Прудник, кипевший бессильной яростью, больше всего хотел на ком-нибудь оторваться и очень надеялся на то, что нарушитель общественного спокойствия, вломившийся в чужое помещение и своевольничавший там, начнет оказывать сопротивление слугам закона при исполнении служебных обязанностей.

Сержант Прудник, бросив быстрый взгляд на сержанта Малышева, многозначительно поправил на плече ремень автомата — в последнее время патрульных обязали постоянно носить серьезное огнестрельное оружие.

Сержант Малышев жестом ковбоя поправил кобуру, звякнув при этом наручниками, закрепленными на ремне, и слегка постучал резиновой дубинкой о ладонь левой руки. Нужное окно он так и не вычислил: должно быть, оно выходило не на улицу, а во двор, на другую сторону здания.

Обоим копам, чью власть в пределах их собственных семей и мест проживания никто особо не спешил признавать, не терпелось доказать свою значимость если не всему свету и даже не всему Конотопу, то хотя бы одному отдельно взятому пьяному дебоширу.

— Погнали! — коротко приказал Малышев.

В составе патруля он числился старшим.

Стоя у бронированной двери указанной в вызове квартиры, полицейские некоторое время прислушивались, пытаясь понять, что, собственно, происходит внутри. Оба знали по опыту: звуки ссоры или потасовки обычно проникают даже сквозь двойные двери. А судя по информации оперативного дежурного по городу, здесь происходила именно драка.

Разнимать дерущихся сержанты любили как по отдельности, так и вместе, когда им доводилось выезжать на происшествие в паре.

Однако за дверью стояла тишина. Губы Малышева непроизвольно скривились: ну что за люди, не могли продержаться еще пару раундов до тех пор, пока патруль не явится! Да и сколько тут ехать? Дом почти в центре, сообщение было получено в семь десять вечера, а в семь двадцать они уже высаживались из машины перед подъездом. Если уж разборки увенчались дракой, то нормальные люди не прекращают выяснять отношения так быстро...

Малышев опять стукнул дубинкой по левой ладони, на сей раз раздраженно.

Прудник, уловив настроение напарника, пожал плечами и решительно утопил указательным пальцем — под ногтем серела грязная бороздка — кнопку дверного звонка. Утопил до упора и держал, наслаждаясь непрерывным пронзительным звоном. Правильно, нечего тут! Это вам не гости, открывайте немедленно — полиция!

Дверь и в самом деле быстро открылась, но Прудник, охваченный каким-то внезапным и необъяснимым мстительным чувством, не спешил убирать палец, еще сильнее нажимая на кнопку звонка. Тем временем Малышев, не ожидая особого приглашения — в конце-концов, вызывали же, бляха-муха! — шагнул в прихожую, оттеснив от двери брюнетку средних лет в светло-серых трикотажных штанах и синтетической кофте того же оттенка с подростковым капюшоном. Этот фасончик, сварганенный «в струю» местными умель-